

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94 (47)

М.В. Мусеев
M.V. Moiseyev

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О КАЗАЧЕСТВЕ XV—XVII ВВ. A NEW STUDY ON THE COSSACKS OF THE XV—XVII CENTURIES

Малов А.В., Никитин Н.И. Российское казачество на заре своей истории (XV—XVII века): исследования, справочные материалы, источники. М.: «Снежный Ком М», 2023. 758 с.

Казачество бесспорно относится к тем явлениям нашей отечественной истории, которые никак не могут быть сочтены безынтересными и неизучаемыми областями науки. Напротив! По этой проблематике выходят статьи, монографии, как индивидуальные, так и коллективные, проводятся исследовательские семинары. Все объясняется не только научным значением темы, но и ее общественным звучанием. Именно поэтому сфера истории казачества, особенно раннего этапа, замусорена всевозможными антинаучными мифами и квазинаучными гипотезами. Как следствие, давно назрел выход обзорного аналитического труда, в котором бы рассматривался ранний период истории казачества. Появление монографии известных историков Н.И. Никитина и А.В. Малова «Российское казачество на заре своей истории...» своевременно и должно вызвать интерес у научного сообщества и читающей публики.

Книга состоит из двух частей и двух документальных приложений. Каждая глава написана одним из соавторов, однако, к сожалению, это становится понятно только из подписи в конце главы, а вот в содержании это не указано. Нельзя сказать, что это серьезный недостаток, но дело в том, что тексты имеют ярко выраженный авторский характер и подобный издательский подход не кажется удачным.

В первой главе Н.И. Никитин рассматривает проблему происхождения казачества. Автор выделяет две основные теории происхождения казачества: миграционную и автохтонную. Миграционная теория была сформулирована еще в дореволюционной историографии и получила дальнейшее развитие в советской исторической науке. По мнению Н.И. Никитина, к 1990-м гг. вопрос о происхождении казачества был решен в принципе (с. 12)¹⁹⁰. Суть миграционной теории состоит в следующем.

¹⁹⁰ Здесь и далее в круглых скобках даются ссылки на рецензируемую книгу.

«Не ранее XV в. в южнорусских степях и примыкавших к ним лесостепных районах, по берегам густо заросших в те времена лесами и камышом степных рек, в буферных зонах между различными государственными образованиями возникают независимые самоуправляемые военизированные общины изгоев, беглецов и всякого рода искателей приключений. Поначалу это были главным образом выходцы из различных татарских “орд”...» (с. 13). В XVI в. среди вольного казачества все больше становится русских и вообще славян, выходцев из Московского государства, Великого княжества Литовского и королевства Польского, а к концу века «они уже решительно преобладают в казачьей среде». Анализ семантики слова «казак» позволил Н.И. Никитину сделать однозначный вывод о том, что оно «...обозначало в первую очередь определенный образ жизни, а не этническую или религиозную общность» (с. 16).

Далее автор рассматривает автохтонную теорию происхождения казачества. Суть этой концепции заключается в том, что казаки — особый народ, не имеющий ничего общего с русским народом. Впервые эти идеи появляются в поздней императорской России, в среде так называемых «донских патриотов». Одним из ее выразителей был Е.П. Савельев, выпустивший в 1915 г. произведение под названием «Древняя история казачества». Появление подобных идей, очевидно, было связано с капиталистическим развитием Российской империи, в ходе которого размывались сословия, разрушались сословные привилегии и параллельно с этим происходил рост различных «национализмов». Революция и Гражданская война активизировали сепаратистские настроения. Именно тогда и сформировались взгляды большинства сторонников автохтонной теории, которая выступала средством идеологического обеспечения возникших «самостоятельных государств» на Дону и Кубани. Позднее эти идеи были взяты на вооружение казаками-коллаборационистами и вновь возродились (после их забвения) с распадом СССР, в эпоху так называемого «парада суверенитетов».

Н.И. Никитин справедливо пишет, что «все эти идеи были практически целиком восприняты многими активистами казачьего движения и получили дальнейшее развитие в их трудах» (с. 18–19). Исследователь очень подробно разбирает критику «автохтонистами» миграционной теории, а затем так же скрупулезно переводит их доводы в пользу своей концепции. Надо сказать, что глубоко уважаемый автор делает это публицистически хлестко и едко. Под его пером автохтонная теория лишается статуса научной гипотезы. Н.И. Никитин справедливо указывает на то, что большинство доводов сторонников этой теории из области лженауки. Например, утверждение, что архивные документы «сфальсифицированы» (с. 20). Что и сказать! Знакомый почерк. Именно в этом нас пытаются убедить и сторонники концепции А.Т. Фоменко,

и апологеты ядерного взрыва в 1812 г., и защитники теории позднего происхождения культурного слоя и т. д. Из этого же лженаучного арсенала и «символическая этимология», «наивные филологические сближения». Надо отдать должное терпению Н.И. Никитина, который достаточно подробно и внимательно рассмотрел эту эквилибристику и показал всю ее несостоятельность (с. 54–67). Разбирая вопросы организации жилища, языка, а также антропологический тип казаков, автор привел данные ряда исследователей, которые вполне обоснованно показали, что казаки говорили и писали на «московско-русском языке» (данные И.Г. Пушкарева), а антропологически «в большинстве своем не отличались от остальных русских» (с. 69–88).

Рассматривает автор и «бродническую» теорию происхождения казачества. Л.Н. Гумилев в свое время прямо отождествил бродников с казаками¹⁹¹. Н.И. Никитин рассматривает работы исследователей, изучавших эту проблему, и приходит к обоснованному выводу, что генетической связи между бродниками и казаками нет. Под давлением монголов в XIII в. бродники частью переселились на территорию Венгерского королевства, а частью остались в дунайско-днестровском междуречье и, в конечном счете, слились с болгарами, румынами, молдаванами. В целом автор приходит к закономерному выводу, что казачество никаким образом не могло развиваться из бродников и, следовательно, «бродническая» теория происхождения казачества неверна (с. 95–104).

Еще одной теорией происхождения казачества, рассмотренной в книге, стала «тмутараканская гипотеза». Согласно ей, ядром казачества послужило смешанное население Тмутараканского княжества. Например, известный советский историк профессор Ленинградского государственного университета В.В. Мавродин «рассматривал бродников как промежуточное звено между тмутараканцами и казаками» (с. 104)¹⁹². Интересно, что эта бездоказательная гипотеза получила поддержку и среди некоторых историков, культурологов и философов. Впрочем, большинство исследователей эту теорию отвергают, так как она имеет спекулятивный, умозрительный характер и не обеспечена никакими источниками (с. 95–107).

Завершая свой аналитический обзор, автор приходит к выводу об адекватности, соответствии источникам именно миграционной теории происхождения казачества. Н.И. Никитин делает закономерный вывод, что «...столь уникальная этносоциокультурная общность, как воль-

¹⁹¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 213–214.

¹⁹² См.: Мавродин В.В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А.И. Герцена. Л., 1938. Т. 9. С. 9–49.

ное казачество, складывалась в период с конца XV до середины XVI вв. и, явившись результатом взаимодействия целого ряда факторов географического, этнополитического и социального характера, далее развивалась уже по собственным, внутренним законам, превратившись в конце концов из вольного в служилое...» (с. 121).

Вторая глава (также написана Н.И. Никитиным), посвящена социальной организации вольного казачества и его взаимоотношениям с Московским государством в XVI—XVII вв. Военной, политической и социальной формой казачьего объединения было войско, что фиксируется документами уже в начале XVII в. (с. 122). Главным законодательным органом войска был круг — собрание всех полноправных казаков. Женщины, неполноправные и проштрафившиеся казаки (до прощения их «товариществом») права голоса на круге не имели. Решение принималось криком — т. е. подавляющим большинством. Круг не был постоянно действующим органом, а собирался по необходимости. Исполнительная власть осуществлялась войсковым атаманом, избиравшимся кругом. Во властных структурах казачьих обществ важная роль принадлежала «старым казакам». Анализируя социальную структуру казачьего сообщества, Н.И. Никитин отмечает имущественную, социальную и правовую дифференциацию. Все это показывает процесс усложнения структуры казачьих обществ. Так, помимо казаков («старых», новых) и чур (учеников) на войсковой территории пребывали временные поселенцы: ремесленники, торговцы, гулящие люди, которые не становились казаками (с. 127).

Автор проанализировал попытки типологизации социальной структуры вольных казачьих обществ в отечественной историографии и указал на неразрешенность этой проблемы в науке. Если одни исследователи видят в казачьих обществах «демократическую республику», то ранние марксистские историки углядели в них и наемное войско торгового капитала, и мелкую буржуазию, которая своим идеалом видела «буржуазно-демократическое равенство». В 1960–1970-х гг. появилась идея, что сам факт существования вольного казачества означал начавшийся процесс разложения феодально-крепостнического строя. 1990-е гг. вернули старые дискуссии, и вновь начались обсуждения «буржуазно-демократических» республиканских начал в казачьих сообществах. Среди ряда профессиональных историков появились идеи, что казачество оказалось носителем новых буржуазных тенденций, передовых социально-экономических форм. Существуют также идеи о государственном характере казачьих обществ (с. 131–133). Однако большинство историков не обнаруживают в казачьих обществах не только сложившегося государственного устройства, но даже и черт предгосударственной организации. К примеру, исследователь казачьих обществ Джу-

Юп Ли прямо считает, что это были альтернативные государству модели организации¹⁹³. Н.И. Никитин стоит на позиции признания соответствия казачьих сообществ военной демократии, а бытовой уклад и общественное устройство, по его мнению, соответствовали в большей степени стадии доклассового общества (с. 134–135). Рассматривая архаичную природу социальной организации казачьих обществ, автор приходит к выводу о «стадиальной близости русской общины (“мира”) и вольных казачьих сообществ XVI—XVII вв.» (с. 145). Не обходит автор вниманием также схожесть казачьих и криминальных сообществ. Рассмотрев соответствующую историографию, он заключает, что эта схожесть реальна, но лишь отчасти (с. 150–159). Здесь как бы напрашивается для анализа и проверки применимости теория Э. Хобсбаума о «социальном бандитизме», но, увы, именно этого автор и не делает. Хотя, кажется, основания для этого есть.

Третья глава, написанная А.В. Маловым, посвящена документам Казенного двора за 1613–1624 гг., содержащим сведения о вольном казачестве. В оптику исследователя попадают не только казаки Дона, но и Донца, Волги, Яика и Терека. Основное содержание главы сам автор определяет как материалы к просопографии вольного казачества (с. 190). А.В. Малов указывает, что донские казаки объединились в «войско» к концу XVI в., что было официально признано Российским государством в 1614 г. Объединение разрозненных казачьих обществ «свидетельствовало об уже сложившемся корпоративном сознании» (с. 191). Одной из проблем казачеведения автор видит острую нехватку источников. Дело в том, что комплекс «Донских дел» был опубликован давно, и эта полная публикация создала иллюзию того, что ею исчерпывается корпус документов по ранней истории казачества. Однако А.В. Малов выявил в составе архива Казны материалы, напрямую связанные с казачеством. Таким кладезем информации оказались расходные книги Казенного двора. На основе этих книг А.В. Малов подготовил справочник, который, по его словам, пока еще имеет незавершенный характер. Вместе с тем уже сейчас у этого справочника вполне внушительный вид. За период с августа 1613 г. по март 1624 г. были выявлены имена 46 атаманов, 5 есаулов и до 393 рядовых казаков. Эти сведения убедительно показывают «незавершенность стратификации, размытость и текучесть казачьих корпораций на Дону и в еще большей степени — на Волге, Яике и Тереке» (с. 197).

Четвертая глава (автор Н.И. Никитин) посвящена роли казачества в движении России на восток в конце XVI — XVII в. Характеризуя

¹⁹³ Ли Дж.-Юп. Qazaqlıq и образование казахов. Государство и идентичность в постмонгольской Центральной Евразии. Алматы, 2022. С. 81.

освоение Сибири, автор отмечает, что «казаки являлись самой многочисленной группой военно-служилого населения Сибири» (с. 261). Формирование сибирского казачества приходится на рубеж XVI—XVII вв., «а к концу первой четверти XVII в. оно уже представлено в источниках как вполне сложившийся социальный институт со всеми присущими ему атрибутами и компонентами» (с. 263). Основу этого казачества составили выходцы с Русского Севера, далее шли выходцы из городов Среднего Поволжья. «Литвины», сведенцы из Речи Посполитой (преимущественно из белорусских земель), составляли хоть и заметную, но при этом самую малочисленную страту (с. 265–268).

В Сибири казачество четко подразделялось на конное и пешее и имело не вольный, а исключительно служилый характер. «Казаки Сибири считались находящимися на государственном обеспечении, и большинству их полагались три вида жалованья — деньги, хлеб и соль» (с. 281). Впрочем, выплата жалованья не была регулярной. В условиях дальних походов, вдали от воеводской власти у сибирских казаков на первый план выходила «неофициальная воинская организация». Глава экспедиции в затруднительном положении держал совет со всем войском, т. е. казаки прибегали к практике круга. Войско могло отказать своему предводителю в подчинении, а добыча поступала в общий кошт. Интересно, что воеводская администрация была вынуждена мириться с подобными решениями (с. 286–290). При этом, несмотря на конфликт с воеводской властью, сибирские казаки шли на тесное сотрудничество с государственными структурами. Впрочем, этот парадокс имеет объяснение в малочисленности русских служилых людей Сибири. В подобных условиях только тесное взаимодействие всех служилых групп обеспечивало им выживание в далеко не самых гостеприимных землях.

Заключительная, пятая глава, написанная А.В. Маловым, посвящена отражению в документации архива Казенного двора за 1613–1624 гг. сведений о сибирских служилых и жилецких людях. Автор отмечает, что эта документация показывает условность «механически перенесенной за Урал социальной структуры московского общества», но при этом фиксирует «принципы практической целесообразности в суровых условиях выживания на бескрайних просторах Сибири...» (с. 334). Для Сибири была характерна проницаемость сословных границ, что, в частности, проявлялось в частых переходах служилых людей из одной категории в другую (с. 335). Анализ пожалований привел А.В. Малова к важному выводу, что «применительно к Сибири служилой корпорацией в целом являлась совокупность служилых людей — “войско”» (с. 345).

В приложении издания опубликованы внутренняя опись не сохранившейся книги Донского поветья Коллегии иностранных дел за 1712–1721 гг. и опись фонда «Донские дела», составленная П.М. Стро-

евым. Стоит заметить, что если документы по 1663 г. уже были введены в научный оборот, то материалы после 1663 г. еще ждут своего археографа. Остается надеяться, что эта публикация будет стимулировать дальнейшую археографическую работу.

Завершая нашу краткую рецензию этого объемного труда, стоит отметить, что данная книга, без сомнения, имеет рубежный характер. Авторы подвели в ней итоги многолетних дискуссий, разобрали значительное число мифов и предложили вполне адекватные трактовки многих вопросов ранней истории казачества. Были намечены новые направления исследований. Немаловажно, что эта монография может послужить солидной основой для разработки учебных пособий по истории казачества. Материалы первой главы, написанной Н.И. Никитиным, имеют самостоятельный характер и могут быть использованы для разработки пособий, посвященных проблемам исторического мифотворчества и исторической политики. Все это позволяет нам уверенно рекомендовать книгу для прочтения заинтересованной публикой.

Список литературы

1. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
2. Ли Дж.-Юн. Qazaqlıq и образование казахов. Государство и идентичность в постмонгольской Центральной Евразии. Алматы, 2022. 276 с.
3. Мавродин В.В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А.И. Герцена. Л., 1938. Т. 9. С. 9–49.

Сведения об авторе

Моисеев Максим Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. E-mail: maksi-moisee@yandex.ru